

© Л. Е. ГОРЕЛОВА, 2000

УДК 378.661:93 (470)

Л. Е. Горелова

К ВОПРОСУ О ЗАКРЫТИИ МОСКОВСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова

Закрытие 1 августа 1845 г. Московской медико-хирургической академии (ММХА)¹ оценивается в немногочисленной литературе, так или иначе касающейся ее истории, неоднозначно. Большинство авторов, упоминавших об этом событии, рассматривали решение Николая I и Министерства народного просвещения, принятое, с их точки зрения, в угоду сиюминутным политическим соображениям или в результате интриг отдельных высокопоставленных чиновников, как чуть ли не трагическую ошибку, нанесшую значительный ущерб российской медицине вообще и российскому медицинскому образованию в частности. М. Г. Соколов, отмечая, что "около 30-го года" ММХА "стояла в научном отношении гораздо выше медицинского факультета" и что в 30-е годы в Академии "начала увеличиваться ... русская партия..., которая потом и одолела немецкую..."², явно дает понять, что причиной ликвидации ММХА была политическая интрига. Ф. Р. Бородулин считал закрытие ММХА "крупной потерей для русской медицинской науки"³. Как акт "неблагожелательного отношения к новым очагам просвещения"⁴ рассматривал решение о закрытии ММХА автор единственной монографии, посвященной ее истории, А. Б. Прейсман, отметивший, что "ученые Медико-хирургической академии внесли значительный вклад в науку... участвовали в формировании оригинальной русской врачебной школы с ее новым материалистическим подходом к пониманию важнейших процессов в медицине и естествознании"⁵ и что в 30-е—40-е годы XIX века ММХА была одним из центров политической борьбы с самодержавием. Существовавшие в стенах академии "кружки (братьев Критских, Сунгурова, Герцена, Огарева, Белинского и др.), — писал А. Б. Прейсман, — оказали

влияние на политическое настроение студенчества"⁶. Лишь петербургские профессора Г. Г. Скориченко и В. В. Пашутин пытались критически оценить деятельность ММХА и тем самым установить истинные причины ее закрытия. "Московская академия, — писал, в частности, в конце прошлого века В. В. Пашутин, — развивалась очень медленно, а главное — она не была нужна, благодаря существованию в Москве университета с его медицинским факультетом"⁷.

К этой последней ремарке В. В. Пашутина мы еще вернемся в ходе последующего повествования, а пока попробуем дать беспристрастную характеристику состоянию Московской медико-хирургической академии в последнее десятилетие ее существования.

По "Уставу Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии и Московского ее отделения" 1835 г. поступить в ММХА⁸ мог любой молодой человек не моложе 17 лет, достаточно подготовленный для того, чтобы сдать вступительные экзамены по русскому и латинскому языкам, "начальным основаниям" математики, географии, истории, логики. Каких-либо сословных ограничений в приеме Уставом 1835 г. не предусматривалось. Более того, было снято существовавшее ранее ограничение в отношении людей, записанных в подушном окладе⁹.

Успешно прошедшие вступительные испытания зачислялись воспитанниками Академии и должны были в течение 5 лет прослушать 19 основных курсов, охватывающих весь объем су-

⁶Там же. — С. 26.

⁷Пашутин В. В. Краткий очерк императорской Военно-медицинской академии за 100 лет существования". — СПб., 1899. — С. 10.

⁸В период с 1805 по 1837 г. ММХА являлась отделением Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академии. 15 января 1837 г. "Высочайшим Указом Правительствующему Сенату повелено: Московское отделение Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академии возвести на степень отдельной Академии, именоваться оному отныне впредь Императорскою Московскою Медико-Хирургическою Академиею и иметь особое управление и особого Президента" // История Императорской Военно-Медицинской Академии за сто лет. (1798—1898) / Под ред. проф. Ивановского. — СПб., 1898. — С. 339.

⁹Устав Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии и Московского ее отделения // История Императорской Военно-Медицинской Академии за сто лет (1798—1898) / Под ред. проф. Ивановского / Приложение. — СПб., 1898. — С. 64 (далее — Устав).

¹Указ Николая I, которым предписывалось "Московскую Медико-Хирургическую Академию, в замен коей будет пространен медицинский факультет Московского Университета, закрыть с 1-го Августа 1845 года", был подписан 19 июня 1845 г. Однако Акт о сдаче дел и прекращении деятельности Московской Медико-Хирургической Академии был оформлен на полгода раньше — 1 января 1845 г.

²Соколов М. Г. Московская медико-хирургическая академия // Змеев А. Г. Былое врачебной России. — СПб., 1890. — С. 70.

³Бородулин Ф. Р. 200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова // Очерки по истории I МОЛМИ. — М., 1958. — С. 21.

⁴Прейсман А. Б. Московская медико-хирургическая академия. — М., 1961. — С. 10.

⁵Там же. — С. 3.

ществовавшего в те годы медицинского знания: 1) физика с основами математики; 2) естественная история: минералогия, ботаника, зоология; 3) общая химия и ее разделы, включенные в судебную медицину и медицинскую полицию; 4) анатомия физиологическая и патологическая "с рассмотрением важнейших предметов из сравнительной и с применением оной к хирургии"; 5) физиология; 6) общая патология; 7) фармация теоретическая и практическая; 8) врачебное веществословие (*Materia medica*) с включением токсикологии и рецептурой; 9) общая терапия; 10) частная терапия; 11) общая и частная хирургия с включением окулистике; 12) акушерство и учение о женских и детских болезнях; 12) судебная медицина и медицинская полиция с включением гигиены; 14) клиника наружных болезней с окулистикой; 15) клиника внутренних болезней; 16) клиника повивального искусства; 17) история, литература и энциклопедия медицины; 18) литература латинская и немецкая; 19) общее обозрение ветеринарной науки¹⁰.

Все учебные предметы в Академии были строго распределены по годам обучения, что обеспечивало студентам необходимые условия для последовательного освоения учебного плана подготовки врача начиная с естественнонаучных и базовых теоретических дисциплин и заканчивая клинической подготовкой, которой придавалось особое значение.

Преподавание большинства дисциплин должно было быть наглядным, для чего Уставом предусматривалась организация в Академии химической лаборатории, физического, минералогического, зоологического кабинетов; создание ряда анатомических кабинетов: сравнительной анатомии, анатомо-патологического, анатомии домашних животных, а также "коллекций", включавших "собрания" хирургических, "окулистических", акушерских инструментов. Кроме того, предписывалось организовать библиотеку и разбить ботанический сад¹¹. Обучение воспитанников Академии клиническим дисциплинам должно было осуществляться в условиях собственных медицинских клиник. Устав предусматривал создание клиник: "Хирургической с Окулистикой, Терапевтической, Акушерской"¹². По Уставу Клиники Московского Отделения Медико-Хирургической Академии должны были размещаться "в городской Екатерининской больнице"¹³.

Каждый год воспитанники Академии должны были сдавать экзамены ("испытания"): они проводились по истечении каждой трети учебного года по прослушанным предметам ("третьи испытания") и принимались профессорами, читавшими данные курсы. В конце учебного года проводились "частные годовичные испытания", которые принимались профессорами по курсам, прочитанным ими в течение учебного года. Успешно сдавшие все "третьи испытания" допускались к выпускным экзаменам "для возведения в медицинские ученые степени". Эти экзамены проводились в присутствии всех "Действительных Членов Конференции и Почетных Членов и Корреспондентов Академии".

Публичные испытания студентов на звание лекаря до 1833 г. включали в себя следующие предметы: "1. Анатомия; 2. Физиология; 3. Общая патология; 4. Фармакология; 5. Фармация; 6. Общая терапия; 7. Специальная терапия; 8. Хирургия; 9. Окулистика; 10. Акушерство с включением учения о женских и детских болезнях; 11. Судебная медицина; 12. Медицинская полиция с включением гигиены; 13. Эпизодические болезни"¹⁴.

Воспитанники медицинского отделения, прошедшие полный курс обучения и успешно сдавшие публичное лекарское испытание, производились в "Лекари 1-ого или 2-ого отделения"¹⁵. Студенты, не прошедшие лекарское испытание, показавшие слабые знания хотя бы одному из главных предметов, оставались еще на один год обучения в Академии. Если же они не выдерживали повторного испытания, то их со званием кандидатов медицины отправляли работать на 2 года в госпиталь. После 2 лет работы в госпитале они могли подать прошение о желании подвергнуться испытанию "для получения лекарского звания".

¹⁰Устав. — С. 68.

¹¹Устав. — С. 72.

¹²Устав. — С. 73.

¹³Устав. — С. 73.

¹⁴Устав. — С. 76.

¹⁵В "Лекари 1-ого отделения" производились выпускники, показавшие во время выпускных испытаний "превосходные успехи и во все продолжение курса отличались прилежностью и благонравием". При выпуске они награждались шпагами, книгами, хирургическими инструментами. "Лекарями 2-ого отделения" становились те, кто на выпускных испытаниях "показывали хорошие успехи во всех преподаваемых науках, были прилежны и благонравны" (Устав. — С. 37).

Кроме того, в составе Академии предусматривались фармацевтическое и ветеринарное отделения. Воспитанники ветеринарного отделения подвергались таким же испытаниям, как и воспитанники медицинского отделения. Успешно прошедшие публичные испытания производились в ветеринарные лекари. Воспитанники, не прошедшие испытания, оставались на повторный двухгодичный курс. Воспитанники фармацевтического отделения, прошедшие трехгодичное обучение, производились в "Гезели 1, 2, 3 отделения". Гезели были обязаны проработать 3 года в аптеках, после чего они получали звание провизора.

Часть лучших выпускников, из числа казенных воспитанников, награжденных золотыми и серебряными медалями, а также причисленных к лекарям 1-го отделения, оставляли ординаторами при госпиталях на 1 год, после чего отправляли в зарубежные университеты. По возвращении в Академию им, как правило, предоставляли адъюнкт-профессорские места¹⁶.

Остальные выпускники распределялись по заявкам гражданских и военного ведомств. Выпускники Академии, находившиеся в "податном состоянии", при вступлении на государственную службу, исключались из подушного оклада решением Правительствующего Сената по представлению Министра Внутренних Дел". Вольные слушатели ("своекоштные") на казенную службу направлялись только по желанию, но не менее чем на 3 года. В этом случае им выдавались, как и казенным воспитанникам, денежные суммы на обмундирование, карманные хирургические наборы и годовой оклад жалования лекаря по тому ведомству, в которое они направлялись.

Таким образом, как видно на представленных данных, замысел разработчиков Устава был достаточно прогрессивным. Уставом предписывалось преподавание всех существовавших к концу первой трети XIX века медицинских дисциплин; создание условий для обеспечения наглядности обучения; введение клинического преподавания и достаточно строгой процедуры выпуска и аттестации. А если к сказанному еще добавить, что для практической реализации этих предписаний в ММХА были собраны ведущие московские профессора, в числе которых можно назвать такие известные в истории отечественной медицины имена, как К. Ф. Рулье, Ф. А. Гильтебрандт, Я. В. Кир, А. И. Овер, А. И. Поль, то может сложиться впечатление, что Ф. Р. Бородулин был прав, когда называл закрытие Академии "крупной потерей для русской медицинской науки".

Однако это впечатление лишь кажущееся, поскольку в действительности слишком многое из задуманного и предусмотренного Уставом осталось лишь на бумаге и в благих намерениях руководителей ММХА.

Первое и, пожалуй, главное несоответствие декларированного и осуществленного состояло в "слишком снисходительном" приеме учащихся¹⁷, от которых зачастую требовали только элементарного умения читать, писать и выполнять простейшие арифметические действия. Последнее не было результатом халатности профессорско-преподавательского корпуса Академии, а являлось во многом вынужденной мерой, в условиях, когда подавляющее большинство абитуриентов представляли перед экзаменационной комиссией не по своей воле, а по "назначению" различных ведомств "сообразно надобностям на открывшиеся вакансии"¹⁸.

Напомним, что главной целевой установкой деятельности ММХА была подготовка лекарей для военной и гражданской службы. Направлять же на службу в беспорядном порядке можно было лишь тех, кто прошел подготовку за государственный счет, а желавших обучаться в Академии на казенном содержании было крайне мало и соответствующие вакансии заполнялись рекрутскими наборами из выпускников духовных училищ¹⁹, а также питомцев Московского воспитательного дома и Конюшенного ведомств. Вполне естественно, что ни одно из перечисленных выше учебных заведений не стремилось расстаться с лучшими своими воспитанниками и у академической конференции просто не оставалось иного выхода, как превратить вступительные экзамены из отбора действительно достойных кандидатов в про-

¹⁶Адъюнкт-профессора — "помощники Профессоров", в обязанности которых, входило следить за поведением и прилежанием студентов во время лекций. Кроме того, адъюнкт-профессор был обязан прочитать 2—3 лекции в месяц, а при необходимости адъюнкту, "имеющему опытность в своих знаниях", могло быть поручено чтение части профессорского курса (Устав. — С. 64).

¹⁷РГИА, ф. 733, оп. 147, д. 3, л. 16.

¹⁸Устав. — С. 65.

¹⁹Основным источником казеннокоштных студентов для ММХА являлись Ярославская, Калужская, Владимирская, Тульская, Костромская и Рязанская духовные семинарии.

цедуру отсеивания лишь абсолютно непригодных для обучения в высшей школе.

Зачисление в Академию "юношей незрелыми и неподготовленными"²⁰ имело далеко идущие последствия. Основное состояло в том, что низкий уровень общеобразовательной и языковой подготовки не позволял учащимся усваивать предлагаемый на занятиях учебный материал. Зачастую, особенно в тех случаях, когда профессора читали лекции не на русском, а на латинском или каком-либо из европейских языков, многие студенты Академии первого года обучения вообще не понимали того, что им говорили преподаватели. Руководители Академии предпринимали определенные усилия, направленные на повышение уровня языковой подготовки учащихся, однако организованные ими курсы латинского и немецкого языков, по свидетельству М. Г. Соколова, посещались крайне плохо и не давали желаемого результата²¹.

Другим следствием "снисходительного набора" казенно-коштных студентов было "нерадение преподавателей"²², которые, не видя реальных возможностей для кардинального исправления существовавшего положения дел, попросту опускали руки и не желали впустую тратить силы и время. Сохранилось любопытное свидетельство того, как в 1839 г. избранный годом ранее на кафедре терапевтической клиники профессор А. И. Овер по итогам экзаменов был поражен и возмущен совершенным невежеством подавляющего большинства выпускников Академии²³. Но уже на следующий год он полностью разобрался с тем, что можно, а чего нельзя спрашивать у студентов Академии, и ни с какими гневными заявлениями больше не выступал.

Несмотря на уставные предписания и немалые государственные ассигнования, не был решен вопрос и об обеспечении студентам наглядности преподавания. Многочисленные колледжи, кабинеты и музеи существовали и даже включали в себя сотни редчайших экспонатов, однако находились в столь непригодных для этого помещениях, что об их эффективном использовании в учебном процессе не могло быть и речи²⁴.

Фактически вся подготовка будущих лекарей для военной и гражданской службы в ММХА состояла в натаскивании учащихся в практических навыках оказания хирургической и простейшей терапевтической помощи и очень напоминала обуче-

ние ремеслу. Но и в этом, по существу единственном компоненте подготовки имелись серьезные недостатки. Главный заключался в том, что колючая мощь клиник ММХА, развернутых на базе Ново-Екатерининской больницы, не соответствовала непомерно большому числу учащихся²⁵, что заметно сказывалось на эффективности обучения. Главный врач Ново-Екатерининской больницы, являвшийся одновременно и профессором хирургической клиники Академии, предпринимал отчаянные попытки для передачи всей больницы под академические клиники, но встретил жесточайший отпор со стороны попечителя и Попечительского совета, а от первых лиц ММХА никакой поддержки не получил²⁶.

Все вместе взятое привело к тому, что в начале 1840 г., когда ММХА была передана в Управление Министерства народного просвещения²⁷, посетивший ее министр С. С. Уваров, был вынужден с сожалением констатировать, что Академия "мало соответствует своему назначению", а ее "питомцы" настолько "далеко отстали от наших Университетских студентов", что "не имеют с ними ничего общего, кроме звания и форменной одежды"²⁸. Последнее в свою очередь и сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе ММХА. Возможно, если бы в Москве не было медицинского факультета университета, который в отличие от Академии бурно прогрессировал, то С. С. Уваров и другие руководители Министерства народного просвещения сочли бы возможным проведение очередной реформы организации и содержания учебного процесса в ММХА, но при имевшихся реалиях дальнейшее существование "не соответствовавшего своему назначению" учебного заведения было, как справедливо отмечал В. В. Пашутин, признано "не нужным". Тогда же весной 1840 г. Николай I полностью одобрил предложение С. С. Уварова о необходимости закрытия ММХА и использования ее кадрового и материально-технического потенциала для расширения и дальнейшего развития медицинского факультета Московского университета.

Поступила 10.12.99

²⁰РГИА, ф. 733, оп. 247, д. 3, л. 16 об.

²¹Соколов М. Г. Московская медико-хирургическая академия // Змеев А. Г. Былое врачебной России. — СПб., 1890. — С. 44.

²²РГИА, ф. 733, оп. 247, д. 3, л. 16 об.

²³Русский Архив. — 1881. — Т. 1. — С. 68.

²⁴РГИА, ф. 733, оп. 247, д. 3, л. 17 об.

²⁵Там же, л. 17 об.

²⁶Мартынов А. В. Андрей Иванович Поль, первый профессор хирургической госпитальной клиники Московского университета. — М., 1909. — Отд. отт. — С. 11—15.

²⁷Подробнее об этом см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 4. — С. 50—51.

²⁸РГИА, ф. 733, оп. 247, д. 3, л. 17.